

выпуске «Лингвистика и межкультурная коммуникация» «Вестника Тверского государственного университета»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Изд-во «Академический проект», 2004. – 992 с.
2. Adelung, J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart (1811). – In 4 Bde. – Bd.2. (<http://mdz.bib-bvb.de/digbib/lexika/adelung/>)
3. Drosdowsky, G. (Hrsg.). Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Bd.7. – Mannheim; Wien; Zürich, 1989. – 1816 S.
4. Drosdowsky, G. (Hrsg.). Duden Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1989. – 839 S.
5. Grimm, J. und W. Deutsches Wörterbuch in 16 Bde. [in 32 Teilbänden]. Leipzig: S. Hirzel 1854–1960. – Quellenverzeichnis, 1971. (<http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb/>)
6. Krünitz, J. G. Ökonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-Stadt-, Haus- und Landwirthschaft. – In 242 Bde; 1773–1858. – Band 32. (<http://www.kruenitz1.uni-trier.de/>)
7. Pawlowsky, J. Deutsch-Rusisches Wörterbuch. – Riga: Verlag von N. Kymmell, 1902. – 1527 S.
8. Sandgruber, R. Die Anfänge der Konsumgesellschaft. Konsumgüterverbrauch, Lebensstandard und Alltagskultur in Österreich im 18. und 19. Jahrhundert // Sozial- und wirtschaftshistorische Studien. – Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1982. – Vol. XV. – 486 S.

К.С. Карданова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ДИНАМИКИ РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ (на материале политического дискурса)

Релевантным для теории деятельности, в том числе и речевой, является рассмотрение субъекта, обладающего *потребностями*, как предпосылки любой деятельности. При этом единственным побудителем направленной деятельности выступает не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности, т.е. *мотив* деятельности [5]. А поскольку мотив деятельности обнаруживают *эмоции*, именно они позволяют человеку, по словам А.А. Леонтьева, интегрировать его физические, духовно-нравственные средства для решения поставленной задачи: если такие средства есть, индивид анализирует условия достижения цели, если же таких средств нет, он отказывается от решения задачи [2]. В отечественной психолингвистике триада «потребность – мотив – эмоция», компоненты которой соотносятся с деятельностью, действием и операцией, стала рассматриваться как методологическая основа описания речевой деятельности.

Перечисленные категории теории речевой деятельности являются неотъемлемым компонентом метаязыка современных психолингвистических исследований. Однако в ряде научных работ они используются скорее как некая рамка, маркирующая парадигму, к которой желает относиться исследователь, а не работающая методология, обладающая достаточным объяснительным потенциалом. Проблема, как правило, заключается в том, что в исследовании наблюдается определенный крен, в результате которого в центре внимания ученого оказывается категория языкового сознания, а анализ языкового материала сводится к выявлению средств вербальной репрезентации того или иного фрагмента языкового сознания. При этом теория речевой деятельности заявляется исключительно как теоретический постулат, который не находит отражения в эмпирической части исследования. Несомненное достоинство подобных моделей состоит в стремлении описать в дискретных единицах континуальность сознания, однако моделирование процессуальности, на которое претендует исследователь, даже в лучших из подобных построений остается мнимым, поскольку такие психолингвистические модели основываются на репрезентациональном принципе, постулирующем наличие устойчивых ментальных образований.

На наш взгляд, схема анализа деятельности, разработанная А.Н. Леонтьевым [6] и адаптированная для исследования речевой деятельности А.А. Леонтьевым [3; 4], особенно эффективна при научном описании континуальных явлений. Ее операционализация возможна за счет привлечения системы категорий *теории аутопоэза*, разработанной чилийскими учеными У. Матураной и Ф. Варелой в 1970-е годы [7; 12]. Совмещение этих теорий не порождает методологического противоречия: процессуальность, моделируемая в теории речевой деятельности, постулируется и в теории аутопоэза, ключевыми принципами которой выступают нерепрезентациональная основа, имманентная континуальность и самоорганизация. Согласно аутопоэтической теории, «система функционирует в настоящем, и для нее научение является вневременным процессом преобразования. Находясь в потоке переживаний, организм не может определять заранее, когда ему изменяться, а когда нет. Не может он заранее определить и то оптимальное функциональное состояние, которого он должен достичь. Преимущество того или иного конкретного поступка, равно как и самого способа поведения, можно определить лишь апостериори, в результате актуального поведения организма, подчиненного поддержанию его фундаментальной кругообразности» [7: 123]. Таким образом, «когнитивные процессы эмерджентно возникают или порождаются субъектом в каждой конкретной ситуации» [12: 37–38]. В основе эволюции аутопоэтической системы лежит принцип рекурсивности, который предполагает «повторяющийся характер взаимодействия двух или более организмов, обладающих структурной пластичностью, при котором один организм выступает средой для реализации аутопоэза другого организма» [12: 47. – Перевод мой. – К.К.].

В связи с этим речевое событие можно рассматривать как внутренне континуальную систему, поддерживающую временную стабильность благодаря «фиксирующим» ее в определенной временной точке языковым репрезентантам [1]. Подвижность среды (и ее компонентов), в которой реализуется речевое событие, создает импульс для его дальнейшей эволюции. Постоянное изменение каждого из компонентов этого взаимодействия обусловлено тем, что в разных «точках» континуума речевого события соотношение между речевой деятельностью и средой принципиально иное. Такое рекурсивное адаптивное взаимодействие речевой деятельности и среды является *асимметричным*. «Чтобы сохранить феноменальную целостность, речевая деятельность должна стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия её структуры ведет к резкому снижению информативности, свойственной прежде всего открытым нелинейным системам. Поэтому речевая деятельность организуется, стремясь к симметрии, но одновременно и самоорганизуется, стремясь к асимметрии. Свойство спонтанной упорядоченности синергетических систем как раз и отражает эту закономерность» [1]. Методологически важными для анализа речевого события в системе речевой деятельности представляются свойства систем: самоорганизация, адаптивность и структурная пластичность.

Соотношение этих свойств выявляет динамику речевого события, которую мы продемонстрируем на анализе политического дискурса. Материал исследования – стенограмма информационно-аналитической телепередачи «К барьеру» (Выпуск 210. «Дуэль» между последним послом Грузии в РФ Эроси Кицмаришвили и директором Института стран СНГ депутатом Госдумы Константином Затулиным).

На *первом этапе* исследования были рассмотрены социо-когнитивные характеристики участников речевого события. С точки зрения аутопоэза, «дуэлянты» и ведущий (медиатор) представляют собой биологические и когнитивные системы, которым свойственна структурная пластичность, способность к самоорганизации и адаптивности. Однако в силу того, что эти свойства проявляются в них в разной степени, различается и их вербальное поведение, устойчивость и характер взаимодействия со средой (психосоматические и когнитивные особенности человека, обнаруживающиеся в анализе его речевой деятельности, также изучаются в ряде психолингвистических исследований, см.: [8–11]).

С этих позиций Э. Кицмаришвили представляет собой устойчивую, адаптивную систему, поддерживающую свою внутреннюю организацию и способную к самосохранению. На протяжении речевого события он спокойно и уверенно реагирует на внешние факторы, полностью выслушивает мнение или вопрос оппонента, контролирует свое речевое поведение. К. Затулин, напротив, демонстрирует эмоциональную неустойчивость, возбудимость, что проявляется в повышении голоса и неспособности выслушать других участников события. Но как система он также демонстрирует высокую степень устойчивости, подавляя внешние воздействия и адапти-

руя среду под себя. Для сравнения особенностей речевого поведения «двуэлянтов» были введены следующие параметры (см. таблицу).

Таблица. Особенности речевого поведения Э. Кицмаришвили и К. Затулина

Параметры	Э. Кицмаришвили	К. Затулин
1. Управление голосом	спокойная манера общения, в редких случаях – повышение голоса	периодически повышает голос
2. Ответы на вопросы и комментарии других участников	позволяет собеседнику закончить свое выступление, потом отвечает на вопрос; если перебивает, извиняется; если его перебивают, просит позволения закончить речь	комментирует выступление собеседника сразу же, не выслушав до конца, перебивает, не позволяет завершить выступление
3. Содержание речевого сообщения	отвечает на поставленный вопрос	отвечает на поставленный вопрос либо предлагает свой комментарий, иронизирует
4. Манера общения	аргументированность, обоснованность точки зрения, прямолинейность, грамматические и лексические ошибки в неродном языке	агрессивная атака, ирония, сарказм, разговорная и просторечная лексика в общении

Приведем некоторые примеры из стенограммы.

– Ответы на вопросы и комментарии других участников:

«Э. Кицмаришвили: *Одну секунду, дайте мне закончить. Это раз. Второе,...*

Э. Кицмаришвили: *Это было бы смешно, и это было бы эмоционально позитивно. Я Вас просто перебил, я извиняюсь, заканчивайте.*

Э. Кицмаришвили: *... Война началась с отдачи приказа Саакашвили бомбить Цхинвал [К. Затулин (перебивает): Почему тогда Россия тоже виновата в этом?] ... И прямой ответ на прямой вопрос по поводу вины России: действия, которые подталкивали Саакашвили сделать этот шаг, его убеждали, что ты начнешь, убеждали из России, это называется на жаргоне спецслужб – разводили, что он может действовать на этих территориях, и Россия не предпримет ничего. [К. Затулин (перебивает): Он жертва обмана].*

Э. Кицмаришвили: *... Я думаю, что в российском политическом решении принять этот вызов и подтолкнуть – обсуждения в той же самой Думе, обсуждение вопросов и так далее – преобладала нестабильная позиция... Еще раз, мы говорим... К. Затулин (перебивает и не дает завершить выступление): При том что посол, которого сам Саакашвили назначил, послал в Россию, был уверен в том, что президент...»*

– Содержание речевого сообщения:

«Э. Кицмаришвили: *Никакую войну Грузия не готовит [В. Соловьев: Только не клянитесь в этот раз мамой. К. Затулин: И голову на плаху не кладите]*».

– Манера общения:

«С. Грызунов: *Журналист, в 90-е министр печати, профессор МГИМО, сопредседатель российско-грузинского круглого стола...* К. Затулин: *Потратишь все время на представление.*

Э. Кицмаришвили: *Россией, сейчас присутствие России как раз является оккупацией.* К. Затулин: *Вот-вот, поехали опять по той же колее».*

На втором этапе исследования были изучены особенности рекурсивного взаимодействия ментальных систем коммуникантов. Как уже отмечалось, под *рекурсивностью* понимается повторяющийся характер взаимодействия двух или более когнитивных систем, обладающих структурной пластичностью. В ходе каждого рекурсивного шага когнитивная система адаптируется к параметрам среды (при рекурсивном взаимодействии средой для реализации аутопоза системы выступает другая когнитивная система). В результате такой адаптации осуществляется эволюция обеих взаимодействующих самоорганизующихся систем.

В анализе структуры рекурсивного шага мы выделяем три уровня рассмотрения: *мотивационный, логико-операциональный и вербальный.*

Как известно, в основе любой деятельности лежит иерархия мотивов, среди которых выделяются доминирующие (ведущие) и производные. *Мотивационный уровень* особенно важен для анализа структуры речевого действия, поскольку именно мотив побуждает к порождению речевого высказывания и определяет характер рекурсивного взаимодействия.

На основе анализа языкового материала были выявлены следующие мотивы коммуникантов.

– Создание имиджа:

«... у меня нет раздвоения личности, поэтому я ставлю на место, как Вы сказали, или пытаюсь это сделать, когда интересы моей страны, я гражданин РФ, ущемляются в ближнем зарубежье... Вот когда это делают, я, естественно, как гражданин, как депутат и как директор института выступаю против этого. Если это кому-то не нравится, я ничего не могу поделать. Это мой выбор, и это их выбор» (К. Затулин).

– Доказательство вины:

«У меня лично складывается впечатление, что Вы летом очередную войну готовите, не Вы лично, но Грузия» (В. Соловьев).

– Определение путей развития:

«Мы настроены на серьезный долгосрочный путь, и я думаю, что это займет годы, и в конце концов мы будем вместе, и мы будем братьями, как и были раньше» (Э. Кицмаришвили); «... грузинский народ очень динамично развивается в направлении демократии, института демократии» (Э. Кицмаришвили).

– Оценка действий:

«Я был единственным человеком из политиков, из действующих политиков, кто был в тот момент на должности, который на парламентской комиссии по изучению этого вопроса выступил с четкой позицией, который сказал, что во

всем, что случилось, адекватно виноваты и Грузия, и Россия» (Э. Кицмаришвили).

– Формирование контекста:

«... после этого они привели к власти Гамсахурдиа, приветствовали его – это была эйфория. Через пару лет после этого они стояли на той же площади, говорили, что он обманул их надежды на демократию, его надо свергнуть. Его свергли. Пришел Шеварднадзе, опять его встречали эйфорически, после чего через несколько лет, в 2003 году, стояли уже более молодые, а может, и те же самые, и говорили опять, что Шеварднадзе обманул их надежды на демократию и так далее, и внесли на своих руках Саакашвили во власть» (К. Затулин).

Следует отметить, что доминирующие мотивы коммуникантов не совпадают: для К. Затулина и В. Соловьева ведущим мотивом является доказательство вины, в то время как для Э. Кицмаришвили – определение перспектив развития и обоснование возможности диалога. Подобное несоответствие приводит к определенным сбоям рекурсивного взаимодействия – в ряде случаев коммуникант не реагирует на поставленный собеседником вопрос, переключаясь в своем ответе на собственный доминирующий мотив. Так, в следующем фрагменте С. Грызунов ставит вопрос о перспективе диалога между Россией и Грузией и о тех условиях, которые для этого необходимы (ведущий мотив – определение возможных путей развития). В ответе наблюдается смена доминирующего мотива: К. Затулин говорит о Грузии как об агрессоре, стремящемся к реваншу (ведущий мотив – доказательство вины):

«С. Грызунов: ... у меня создается впечатление, что российским властным структурам, в том числе и Думе, никто из грузинских лидеров не был по вкусу – ни Шеварднадзе, ни Саакашвили, ни Гамсахурдиа. Более того, на всем постсоветском пространстве мы не любим никого – от Киева и Таллинна до Ашхабада. Мы пытались посадить своих заместителей, типа Георгадзе в Тбилиси или Януковича в Киеве – слава богу, ничего не получилось. ... кого бы Вы хотели увидеть в президентском кресле в Тбилиси?»

К. Затулин: Вы знаете, я никого не пытался куда посадить. ... Но я, например, считаю то, что это глубоко внутреннее, конечно, дело Грузии, но в Грузии когда-то должна быть ликвидирована эта разница между, если верить словам моего оппонента, настроениями общества и курсом государства. Мы-то в России имеем дело не с грузинским обществом, а мы вынуждены иметь дело с грузинским государством. Так вот, проблема в том, что это грузинское государство сегодня ставит своей целью реванш, и оппозиция, хочу заметить, то же самое, она от этого абсолютно не отреагировала».

Способы «переключения» на иной доминирующий мотив представляют собой логические операции и, следовательно, должны рассматриваться на логико-операциональном уровне анализа структуры рекурсивного шага. Изучение особенностей иерархизации мотивов коммуникантами и тех факторов, которые детерминируют переосмысление доминирующего мотива,

представляется особенно важным, поскольку эти составляющие структуры рекурсивного шага определяют динамику речевого события, а также структуру следующего рекурсивного шага. Таким образом, анализ на логико-операциональном уровне позволяет разработать типологию рекурсивных шагов и выявить те факторы, которые определяют характер рекурсивного взаимодействия когнитивных систем.

К *вербальному уровню* рассмотрения относится изучение тех языковых средств, посредством которых осуществляется репрезентация доминирующих и производных мотивов, а также способов «переключения» на новый ведущий мотив. Отдельную исследовательскую проблему при этом представляют те случаи, когда социальное (вербальное) взаимодействие не опосредуется взаимодействием ментальных систем. Такое несоответствие связано с тем, что язык и когниция представляют собой системы, которым свойственны разные типы самоорганизации и разная степень адаптивности. Очевидно, что между данными системами наблюдается определенная зависимость, однако их динамика не всегда коррелятивна. Это не противоречит теории речевой деятельности, согласно которой при речевом взаимодействии индивидов динамика личностного смысла не может в полной мере найти отражение в психологических значениях и, наоборот, формирование новых психологических значений не обязательно коррелирует с порождением личностных смыслов. Таким образом, динамика речевого события не может анализироваться с помощью только инструментария традиционной лингвистики или психолингвистики, поскольку она не осуществляется на репрезентациональной основе.

Методология аутопоза позволяет исследовать речевое событие исходя из принципиально новых для лингвистики и психолингвистики оснований, к важнейшим из которых относятся нерепрезентациональная основа, имманентная континуальность и самоорганизация. С этих позиций речевое событие рассматривается как нестабильная структура, временно фиксированная в виде отдельных речевых действий. Динамика речевого события опосредуется рекурсивным взаимодействием когнитивных систем коммуникантов – систем, характеризующихся нестабильностью и находящихся в процессе постоянного переструктурирования. Методологически важными для анализа речевого события в системе речевой деятельности представляются свойства таких систем: самоорганизация, адаптивность и структурная пластичность.

Многие постулаты аутопоза соотносимы с теорией речевой деятельности и привлечение системы категорий, составляющих данную методологию, позволяет операционализировать теорию речевой деятельности.

Предложенная методология может применяться для анализа социально значимых дискурсивных практик, динамики структур сознания в процессе коммуникации и особенностей эволюции речевого события. Кроме того, она позволяет прогнозировать динамику акта коммуникации и оценивать адаптивные свойства коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001. – 260 с.
2. Леонтьев А.Н. Потребности. Мотивы. Эмоции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с.
3. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 380 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
6. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
7. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: Сб. науч. тр. / Пер. с англ. и нем. Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 95–142.
8. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Курс лекций. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. – 228 с.
9. Пищальникова В.А. Теория самоорганизации и лингвистика: научно-аналитический обзор // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М., 2009 (в печати).
10. Сонин А.Г. Теория аутопоэза и когнитивная лингвистика // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М., 2009 (в печати)
11. Трофимова И.Н. Синергия динамики тела и восприятия мира // Синергетика и психология. – М.: Когито-Центр, 2004. – С. 61-82.
12. Maturana, H. Biology of language: the epistemology of reality // *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. Miller, G.A., Lenneberg, E. (Eds.). – New York: Academic Press, 1978. – Pp. 27-63.

С.И. Корниевская

НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ
ДОСТУПА К СЛОВУ

Изучение лексических процессов при продуцировании речи привлекло внимание многих современных исследователей. Ряд ученых справедливо полагает, что если удастся понять, каким образом происходит доступ к слову, может быть объяснен процесс продуцирования речи [12]. Однако механизмы, вовлеченные в продуцирование речи, очень сложны и пока еще не очень хорошо и однозначно понимаемы. Очевидно, что процессы продуцирования речи недоступны прямому наблюдению, и судить о них можно только по их продуктам – конечным и промежуточным [1: 345].

Основными методами изучения продуцирования речи и на родном языке (Я1), и на иностранном языке (Я2) являются наблюдение, экспери-